

бѣжали къ Иванушку и принесли ему кольцо. Онъ взялъ это кольцо, перекинулъ съ руки на руку и сказалъ: „вставайте, всѣ живые и всѣ мертвые, и дѣлайте лучше стараго домъ и перенесите меня и Машеньку и тетку въ новый домъ“. Очнулся Иванушка съ Машенькой и съ теткой. Машенька стала у Иванушка прощенья просить, Иванушка больно жалѣлъ, такъ и простилъ. Стали жить хорошо и богато.

Кадниковскій у. 1907 г.

### 35. Иванъ крестьянскій сынъ и Марья царевна.

Жили были старикъ со старухой, у нихъ былъ одинъ сынъ Иванъ. Этотъ Иванъ вздумалъ вѣть веревки. Пришелъ на берегъ рѣки и вѣтъ веревки. Вдругъ изъ воды вышелъ чертенокъ и спрашиваетъ: „чего, Иванъ, дѣлаешь?“ Иванъ сказалъ: „веревки вѣю, стану море моршить да васъ чертей корчить“. Чертенокъ сказалъ: „что тебѣ надо за это?“ и пошелъ чертенокъ къ старшему чертенку спрашивать. Старшій велѣлъ: „перво побѣгайте съ Иваномъ“. А Иванъ сказалъ: „у меня есть маленькій сивенькій старичекъ, такъ ты съ имъ побѣгай наперво“. На то время выскочилъ изъ кустовъ заяцъ и побѣжалъ, чертенокъ и кричитъ: „ой, ой, нѣтъ не угонится“. Чертенокъ и думаетъ, за старикомъ за сивымъ не угонится, а за молодымъ за Иваномъ нечего и думать; этотъ чертенокъ испугался и убѣжалъ опять къ старшему и рассказалъ старшему. „Ну, ступай, покидайте палки“. Этотъ чертенокъ принесъ палку толстую и большую и кинулъ палку высоко. Иванъ сказалъ: „ты низко кинулъ, а я кину изъ виду вонъ“. Чертенокъ думаетъ, что и правду кинетъ высоко, испугался и убѣжалъ. Пришелъ къ старшему и сказалъ; старшій сказалъ: „сходи и поборитесь и узнай силу“. Когда пришелъ къ Ивану, чертенокъ и говоритъ: „давай боротся“. Иванъ сказалъ: „мнѣ не стоитъ руки марать, а у меня есть дѣдъ семидесяти пяти лѣтъ, такъ ты хоть съ нимъ-то справся“. Въ то время изъ лѣсу вышелъ медвѣдь. Этотъ чертенокъ и схватился. Медвѣдь все его изуродовалъ. Чертенокъ говоритъ старшему, когда пришелъ отъ медвѣдя, „больше не

пойду къ Ивану“. Старшій сказалъ: „сходи, что надо еще Ивану“. Чертенокъ пришелъ, а Иванъ тѣмъ временемъ выкопалъ яму, свою шляпу изорвалъ и растянулъ по ямѣ, чертенокъ и говоритъ: „Иванъ, моря не морщи и насъ чертей не корчи, что надо, то и бери“. Иванъ сказалъ: „вотъ эту шляпу наноси полную золота“. Этотъ чертенокъ обрадѣлъ, сталъ носить мѣшкомъ золото, носить, носить, и подачи нѣтъ, и говоритъ Ивану: „какая у тебя большая шляпа-та!“ Иванъ сказалъ: „ничего не велика“. Чертенокъ полную яму наносилъ золота и принесъ колечко и говоритъ: „вотъ тебѣ еще подарокъ, когда тебѣ что надо, все тебѣ будетъ, только съ руки на руку перенадѣнь“.

Иванъ взялъ колечко, распрощались, чертенокъ ушелъ, Иванъ золото увезъ домой. Иванъ и говоритъ своей матерѣ: „сходи сватомъ къ царю“, а у царя было (такъ) дочь, звали Марьей, „не отдастъ-ли за меня“. Мать пришла къ царю и говоритъ: „царь, великой государь, отдай за моего Ванюшку свою дочь Марью, у его денегъ не меньше твоего“.

Царь и говоритъ: „пусть сдѣлаетъ домъ точно такой, какъ у меня, чтобы сегодня ночью, вутрѣ я выйду на бавхонъ, чтобы видно было его домъ“.

Мать когда пришла домой и заплакала и рассказала Ивану. Иванъ и говоритъ: „не тужи, утро вечера мудрѣнѣе“. Мать отстала плакать и легла спать, а Ванюшка вышелъ на улицу, съ руки на руку перенадѣлъ колечко, вдругъ пришло страшнѣе народу и стали работать, къ утру домъ лучше царева сдѣлали. Мать Ивана утромъ встала, смотреть—все не по старому и пошла мать къ царю, пришла къ царю и говоритъ: „вотъ, царь, экой хитрой у меня Ванюшка, въ одну ночь экой домъ заворотилъ“. Царь сказалъ: „пусть въ одну ночь церковь сдѣлаетъ“. Еще пуще запечалилась, пришла домой, сказала Ванюшкѣ. Иванъ сказалъ: „не тужи“. Вышелъ ночью на улицу, перенадѣлъ съ руки на руку колечко, вдругъ сдѣлалась церковь и зазвонили и царя разбудили. Мать пришла къ царю и говоритъ: „вотъ, царь, великій государь, все сдѣлано, отдай твою Машеньку“. „Можно отдать, только съ тѣмъ, чтобы отъ вашего дому до моего дворца были мосты хрустальные и сукнамъ устланы, а по нимъ чтобы ходила карѣта-самоката и всякія птицы пѣли“. Мать испугалась и заплакала и пошла домой, пришла

домой и рассказала Ивану. Онъ и говорить: „утро вечера мудрѣняе, не тужи“. Когда легли спать, вышелъ на улицу, перенадѣлъ колечко, вдругъ стали мосты хрустальные и сукномъ устланные и карѣта-самоката до самаго дворца царскаго, и всякія птицы поютъ, и отдалъ царь за Ивана Машеньку. Не долго послѣ свадьбы пожили, Машенька у Ивана все выпытала, какъ все онъ устроилъ. Когда онъ уснулъ и положилъ колечко подъ подушку, эта Машенька колечко взяла и съ руки на руку перекинула, выскочило нѣсколько молодцевъ: „снесите меня за тридевять земель, въ пятидесятое царство“; когда ее снесли и у Иванушка ничего и не стало. Когда Иванъ пробудился, то все стало худое, и заплакалъ и пошелъ къ тестю: „Машеньки“, говорить, „нѣтъ, не знаю, куда и дѣвалась“; царь испугался, не знаютъ, куда и дѣвалась Машенька. Иванушка сходилъ къ кузнецу, сковалъ три костыля и испекъ три просвиры и пошелъ разыскивать Машеньку. Долго онъ шелъ, подходитъ къ избушкѣ, пришелъ въ избушку, лежитъ баба-яга изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ, когда Иванъ заходитъ въ избу, и кричитъ баба-яга: „фу, фу, фу, русскаго духа слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, а самъ ко мнѣ на домъ пришелъ, съѣмъ-погублю, на бѣлый свѣтъ не опущу“. „Ишь, старая чертовка, не сердись, не ерись, а напой, накорми“. Эта старуха напоила, накормила и стала спрашивать: „куда пошелъ и куда правишься?“ О(нъ) ей: „свою Машеньку розыскиваю“. Она ему говоритъ: „ой, дитятко, трудно тебѣ до нее доступить, она у моей старшей сестры живетъ, она чему пораdѣла, и житье-то, житье ей худое, идти-то назадъ-то нельзя, все съ моимъ племянницамъ ходить“. Она ему дала скатертку-самолѣтку. Онъ пока до нее шелъ, такъ желѣзную трость исподпиралъ и просвиру изглодалъ. Распростився съ бавшкой и направился въ дорожку. Долго шелъ, трость исподпиралъ и просвиру изглодалъ и подходитъ къ избушкѣ и идетъ въ избушку, лежитъ баба-яга, изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ и говоритъ баба-яга: „русскаго духу видомъ не видала и слыхомъ не слыхала, а самъ русской духъ ко мнѣ на домъ пришелъ, съѣмъ-погублю, на свѣтъ не опущу“. Ванюшка и говоритъ: „ишь, старая чертовка, ты-бы съ дорожки напоила, накормила“. Эта старуха встала, Ванюшку напоила и накормила,

стала спрашивать: „откуда и куда путь-дорогу держишь?“ Ванюшка бавшкѣ обсказалъ все, какъ и какъ стала. Бавшка Ванюшку пожалѣла и дала ему мечъ-складенецъ и говоритъ: „твоя Машенька живетъ у старшей сестры моей“, она его подчила, и распростились. Ванюшка пошелъ, долго онъ шелъ и опять просвиру изглодалъ и тростъ изподпиралъ; вдругъ подходитъ къ избушкѣ, заходитъ Иванъ въ избушку, лежитъ баба-яга изъ угла въ уголъ и носъ въ потолокъ, когда зашелъ въ избу: „фу, фу, фу, русскаго духу слыхомъ не слыхала и видомъ не видала, самъ русскоѣ духъ ко мнѣ на домъ зашелъ, съѣмъ-погублю, на свѣтъ не опущу“. Онъ говоритъ: „старая чертовка, ты-бы не торопилась со своей поѣжкой, а ты-бы дорожнаго челоуѣка напоила и накормила и на добро поучила“.

Сейчасъ старуха соскочила, напоила и накормила Иванушка и стала спрашивать: „откуда и куда путь держишь?“... Онъ все разсказалъ, какъ что было. Старуха пожалѣла и сказала: „трудно тебѣ до ея доступить, она живетъ у старшей моей сестры, отсюда не далеко“ „Ну, ладно, говоритъ старуха, „скоро твоя Машенька придетъ въ головѣ искать, а ты лѣзь подъ кровать къ ей въ сундукъ и посиди въ сундукѣ“. Когда Иванушка залѣзь въ сундукъ, вдругъ пришла Машенька къ старухѣ, и Ванюшка слышитъ, Машенька стала у бавшки въ головѣ искать, бавшка и спрашиваетъ: „что-же-бы: ты, Машенька, поглядѣла-ли бы ты своего Ванюшеньку?“ „Поглядѣла-бы, хоть однимъ глазкомъ да взглянула-бы“. А Ванюшка сидитъ и слушаетъ.

Машенька отъ бавшки ужъ ушла, Ванюшка вышелъ изъ сундука. Бавшка научила Ванюшку, что: „иди въ садъ и продавай мечъ-складенецъ“, и дала клубочикъ, потомъ, на другой день, клубочикъ станутъ покупать мои племянницы, а ты съ тѣмъ продавай, чтобы ночь спать съ Машенькой, также складенецъ и скатертку“.

Пришелъ въ садъ, расклатъ на скатертку мечъ-складенецъ и клубочикъ; пришли покупать и купили за то, что Ванюшкѣ надобно съ Машенькой ночь проспять. Они взяли Машеньку напоили до пьяна и повалили спать. Ванюшка будилъ да плакалъ, что: „Марья-царевна, какъ я до тебя доступавъ, три просвиры изглодалъ и три трости желѣзные изподпиралъ, а ночь прошла“. Тѣ дѣвки пришли и его про-

гонили. Когда Иванъ ушелъ отъ нихъ опять въ садъ, выложилъ скатертку-самолётку и клубочикъ, пришли эти дѣвки, клубочикъ купили съ тѣмъ, чтобы ему съ Машенькой ночь проспать. Онѣ Машеньку опять пьяную напоили и спать повалили и булавамъ у Машеньки платье къ постелѣ приколотили, и Иванушко легъ опять съ Машенькой, а Машенька опять пьяная, онъ будилъ да плакалъ, разбудить не могъ. Опять ночь прошла, Иванушка опять прогнали, а Машенька когда разбудилась, стала допытываться. Этотъ Ванюшка опять въ садъ скатертку послѣднюю продавать, и пришли дѣвки покупать скатертку, и продавъ Ванюшка за то, чтобы ночь съ Машенькой спать. Когда Машеньку стали поить, то она будто пьетъ, а сама въ рукавъ льетъ, она притворилась пьяная и повалили съ Ванюшкой спать. Ванюшка заплакалъ и говоритъ: „какъ я до тебя доступалъ, три просвиры сглодалъ и три трости желѣзные изсподпиралъ“, какъ вдругъ одна слеза попала Машенькѣ на лицо, она пробудилась, сразу воровски вышли и кольцо съ руки на руку перекинули и оказались дома, и у Ванюшки опять домъ сталъ хорошій. Царь увидавъ, что и мосты хрустальные и сукномъ устланные и бѣгаетъ карѣта-самоката, царь обрадѣлъ, сѣлъ на карѣту и прѣхалъ къ зятю и дочери, и сдѣлали пиръ на весь міръ.

Кадниковскій у. 1907 г.

### 36. Солдатикъ, Марья царевна и нехорошій.

Одинъ солдатикъ служилъ двадцать пять лѣтъ. Вдругъ приходитъ полковникъ и говоритъ: „тебѣ завтра расчетъ“. Солдатикъ и говоритъ: „а много-ли мнѣ дадите?“ Полковникъ говоритъ: „двадцать пять палокъ“. Солдатикъ проситъ: „денегъ дай“. Полковникъ: „не дамъ, двадцать пять разъ желѣзнымъ прутомъ охлестну, а денегъ не дамъ“. Солдатикъ пошелъ изъ казармы и говоритъ: „прости, казарма матушка, я въ тебѣ двадцать пять лѣтъ служилъ“, идетъ дорогой, а денегъ нѣтъ и думаетъ, чтобы меня теперь хоть нехорошій позвалъ, такъ я и то-бы пошелъ, и